

В дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982), уже выступили критики А. Кондратович («ЛГ», № 37), В. Сухнев («ЛГ», № 38), А. Казинцев («ЛГ», № 41), Ал. Михайлов («ЛГ», № 43), поэты Е. Исаев («ЛГ», № 39), А. Васадзе, М. Ильницкий и В. Соколов («ЛГ», № 40), О. Шестинский («ЛГ», № 44), В. Кочетков и В. Сидоров («ЛГ», № 45), читатели («ЛГ», №№ 41, 44). Публикуем статью поэта В. САВЕЛЬЕВА.

Маяковский и современная поэзия

Владимир САВЕЛЬЕВ

ЗВЕЗДА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

ДА, ДА, СОГЛАСЕН, что вслед за многими и многими, но все же опираясь именно на это безоглядное, задиристое, с вызовом громыхнувшее однажды и навсегда утверждение Владимира Маяковского «В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунги!», мне и хотелось бы взять слово в нынешней нашей дискуссии. А как тут, право, не повторяться, если данной теме с разной степенью правоты и горячности в веках посвящались выступления политических деятелей, литературоведов, прозаиков и поэтов? Вот и в своих статьях Ст. Лесневский и А. Кондратович со ссылкой на В. Маяковского и А. Твардовского соответствующим образом акцентировали наше внимание: первый — на **тенденции** в поэзии, а второй — на **генеральной думе**, в обоих случаях **гражданственность**.

Согласимся же, однако, что справедливо оба уважаемых критика — Ст. Лесневский и А. Кондратович — с несколь-

ко, правда, запоздалой, но все-таки дерзостью винят наш поэтический цех в утрате былой популярности. «Какой безумец празднество затеял и щедро Днем поэзии нарек?» — с той поры, когда, имея в виду не иначе как В. Луговского, упоенно воскликнула это Б. Ахмадулина, прошли годы немалые и для литературы непростые. Что же (и, главное, от кого) греха таить, ныне наши столичные Дни поэзии стали, к сожалению, не будоражаще прокатываться, а не без зевотцы проходить: более скромное число аудиторий выделяется для выступающих с чтением своих стихов; да и, глядь-поглядь, сами аудитории «затейного праздника» оказываются как не столь значительными по размерам, так и не столь заполненными народом; да и сам народ этот на звучащую в зале строку начал, как ни нажимаю на голос, реагировать, мягко говоря, посдержаннее. В чем причина-законика заметного охлаждения и слушателей, и будем уж до конца честными,

кровных читателей наших к жанру, само существование которого традиционно связывается с такими понятиями, как муки творчества, кровь сердца, озарение свыше и т. п.? Да уж не в том ли и впрямь, что поэзия, как, разводя руками, утверждают некоторые критики, из первого — боевого — эшелона литературы постепенно перешла у нас во второй, вынужденно, но по справедливости уступив место нынешней прозе? А может статься, вообще поэт в смысле возраста созревает позже, чем прозаик? Но как же тогда В. Маяковский с его знаменитым «...иду — красивый, двадцатидвухлет-

ляков, как известно, не жаловавший эстраду своим расположением, проникновенно, по-смеляковски писал об уже упоминавшемся в нашей дискуссии знаменитом Политехническом, в котором вот-вот должны прозвучать подлинно гражданственные строки: «Площадь зимняя вся в огнях, дверь подъезда берется с бою, и милиция на конях над покачивающейся толпой». Эта ли

«покачивающаяся толпа» в данном случае не оценка и творчества, и позиции? Это ли, полагаю, работа, не безоговорочная популярность подлинной гражданственности? И это ли не единственно правильный вывод, который сделал Я. Смеляков, приняв участие в нашей дискуссии: еще лет двадцать тому назад:

Как ты нужен
стране сейчас,
клубу, площади и газетам,
революции трубный бас,
голос истинного поэта!

Итак, актуальность, а в конечном счете гражданственность и есть неперенный залог успеха современной поэзии? Видимо, это так, и, видимо же, дела наши в этом плане не случайно вызывают общую обеспокоенность. Скажем, А. Вознесенского: «В схватке века с активной темной каков век, таков и поэт. Любимые современники, у вас века другого нет...» А, допустим, Р. Рождественский высказывает ту же спасительную

для поэтического престижа мысль, но делает это уже более конкретно: «Ах, какое хорошее дело: с тротуара в колонну шагнуть! Быть не около — а со всеми! Не поблизости, а — среди». И еще более прочувствованно, если, конечно, понимать стихотворение «Русские плотники» несколько шире, не спрашивает, а публицистически вопрошает об этом Вас. Федоров — вслушайтесь только в одну эту строфу, в четырех строках которой, как в четырех бревенчатых стенах избы, дышит легко и уверенно, несмотря на полемический настрой (или, может, благодаря ему?) произведения в целом:

Мастера и работники,
Рукотворцы хороб,
Где вы, русские плотники,
С золотым топором?

А и правда — где вы? И плотники с золотым топором? И поэты с золотым пером? Но ведь есть же у нас, есть и те, и другие! Есть, и, напомним о словах В. Маяковского: «Не надо пускать в ход большой поэтический завод для выделки поэтических зажигалок», — я приведу для наглядности в строке-другой из творчества достаточно самобытных и уважаемых литераторов, поэтов, так сказать, милостью божьей, которые, словно бы ответно отработывая эту милость, нет-нет и подгнускают: «...кусты, меж двух холмов простершиеся с грустью, чернели — как нателенные кресты (не один крест, а целый пучок их, что ли? — В. С.) в ночной ложбинке меж двуснежной грудью» (В. Устинов); «Мы пришли в этот храм не венчаться, мы пришли в этот храм не взрывать, мы пришли в этот храм прощаться, мы пришли

в этот храм зарыдать» (Ю. Кузнецов); «Ты прости меня, матушка из того ль городка Назарета, за скитанья мои среди скорбных селений земных» (Н. Тряпкин); «Человечество вышло к порогу, изогнуло хребты на поклон, помолился забытому богу перед новым явлением времен» (Л. Васильева); «Каждую ночь мертвец приподнимает гробовую плиту и проверяет на ощупь: не стерлось ли имя на камне?» (В. Куприянов). Приведенные выше строки пяти словно сговорившихся тут поэтов «хороших и разных», я бы даже сказал, очень хороших и очень разных, как, думается, к сожалению, попадают под оценку Е. Исаева в его статье «За все в ответе», где, в частности, говорится: «...беда в том, где есть только видимость чего-то. Есть некая такая таинственная неясность вокруг некоей такой туманной неопределенности». Что ж, видно, и на старуху бывает проруха, а в результате мне снова приходится брать себе в оппоненты непосредственно саму гражданственность в лице ее лучших представителей, делегированных в наши дни большой литературой. Так, в стихотворении «Национальные черты» Я. Смеляков предостерегал как раз от того, чтобы «...с обольщением в соборном роаяль сербре» нам, его современникам и преемникам, все-таки «...не упустить бы на беду красноармейского шелома пятиконечную звезду». Ту самую, ту алую, ту, что все-таки чем-то сродни августовской звезде О. Дмитриева, который, следя за ней, падающей, верит в поэтический ее прорыв даже через смерть к жизни, верит тому и в того, кто «...поймет, что звезды все — живые, и ошутит в душе звезду». (В скобках замечу, что, может, зря так раздражился А. Кондратович на Е. Антошкина: частое обращение к образу звезд в наш космический век неизбежно, что неизбежно в наше время и смыкание поэзии с политикой: жизненная необходимость, к примеру, обусловила принятие Продовольственной программы, а жизненная правда диктовала, Вад. Кузнецову

строки о деревне: «...ломались последние звенья негромкой моей родовой... Назад оглянувшись тревожно, я понял, над бездной скользя, что мыслить абстрактно — возможно, а жить вот абстрактно — нельзя». Звезда гражданственности, звезда ответственности за землю, звезда, какую «ошутит в душе» герой поэмы «Возвращения» Вад. Кузнецова, — звезда не из умиротворяющих:

О, совесть!
Потребуй отчета!
Пусть в сердце гудят,
как набат,
не цифры хонкейного счета,
а вечное:
— Кто виноват?!

Это горькие и прямые слова о том, как зачастую хозяйствовали мы на селе. Трудные, но правдивые слова, а значит, слова гражданственные. И такими же несуетными и гражданственными кажутся мне строки В. Кострова о фотографиях на районной доске Почета, где «Словно бы времени общей печалью наша Отчизна отметила нас общей заботой, общей печалью», где

...сопричастность
к народной судьбе
переполняет
тревожную душу.
Будущей радости
верный залог!
Словно пред некую
точную отсчета
стань
на скрещенье
русских дорог
перед обычной
доскою Почета.

«Ощутить в душе звезду», «Вечное: — Кто виноват?», «Стань на скрещенье русских дорог...» — все это суть выхода к гражданственности, целеустремленного свет которой озаряет и строки М. Алигер: обращенные к недавно ушедшему от нас К. Симонову: «Что делать, Костя? Жить! Стараясь прямо. По совести». И этой же самой, этой же великой и жесткой правде, оспаривая утверждение, «что человек всего лишь горстка праха», гражданственно вторит Н. Грибачев: «На небесах, на суше и воде прекраснейшим является обычай друг другу руку подавать в беде». И эта вариация той же гуманистической мысли пульсирует в строках, адресованных М. Львовым ровеснику-ветерану от имени поколения: «Уходим мы — без возвраще-

нья — в глубины памяти страхи, изъятые из обращения, как золотой запас казны».

Гражданственность во всей своей злостности может, кстати, открыться в темах, обращенных к глубокой старине, что и произошло в стихотворении О. Шестинского, повествующего о том, как в кичливой Орде «пали под одним мечом боярин с верным толмачом», и делающего отсюда вывод неожиданного много плана — плана интернациональности, плана жертвенности в той области, что мы называем братскими литературами: «Ах, мне бы эти страсти и пыл, жизнь с круговертью, чтоб друга я переведил, как перед смертью!» Способность гражданственности, я бы даже сказал, роковое призвание ее мгновенно откликаться на многие события нашего столь богатого ими мира полемически воспевают А. Николаев в стихотворении «На злобу дня», словно бы в течение уже нескольких лет работающая на нынешнюю нашу дискуссии в решении старой проблемы вечного и временного, памятного и скоропреходящего:

Солдат
попустом человечным,
ребенка спасший из огня,
вошел в историю навечно,
войдя в стихи на злобу дня.

Такие беззаветные поступки, такие характеры, такие судьбы и такая, наконец, ориентация на них в творчестве многих современных поэтов должны вывести — и выводят! — нас на широкую дорожку гражданственности и, как следствие этого, обеспечить, прежде всего, но, желательнее бы, гарантированную популярность, ибо в наше время тоже, дорогой Владимир Владимирович, «тот — поэт, тот — писатель, кто полезен». И неплохо тут, ох, как неплохо было бы нам почаще проверять себя, судить творчество свое гражданственностью советской классики. И поскольку нам всем вместе «плыть в революцию дальше», чувство **гражданственности** в нас должно быть конкретным, должно быть без всяких скидок, должно быть определяющим и бескомпромиссным, как... далекая и навсегда памятная **гражданская война**.